«Он в свете был министр, а у себя поэт»

И.И. Дмитриев.
Портрет работы
неизвестного художника.
1810–1814

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837) – русский поэт, баснописец, государственный деятель; представитель сентиментализма – уроженец Симбирской губернии. В 1796 выйдя в отставку с военной службы в чине полковника, сделал оглушительную карьеру. Сначала получил место в сенате. Вскоре был назначен товарищем министра в департаменте уделов и обер-прокурором сената. В 1806 году Дмитриев – сенатор, в 1810 – министр юстиции, активно выступавший против злоупотреблений при чинопроизводстве. Это привело к конфликту с управляющим канцелярией и другими чиновниками министерства. Последние годы жизни Иван Иванович прожил в Москве, окружённый уважением общества, как один из лучших писателей своего времени и как заслуженный государственный деятель.

Вопросы наследования

В начале лета 1838 года в Москве в доме И.И. Дмитриева на Спиридоновке собрались наследники, чтобы разделить полагавшееся им имущество недавно умершего знаменитого поэта. Среди них были его племянник М.А. Дмитриев и доверенные лица Матюнин и Нефедьев, мужья сестёр-наследниц.

И.И. Дмитриев скоропостижно скончался 3 октября 1837 года на 77 году жизни – после обеда пошёл в любимый им садик «садить акацию», там и потерял сознание. Родные, узнав о неожиданной смерти, скорбели по поводу утраты близкого человека. Свои чувства они выражали искренне и сердечно, за исключением Матюнина и Нефедьева. «Мне сделалось вдвое горше, – вспоминал М.А. Дмитриев, – видя, как бесстыдно радуются люди смерти близкого человека – и какого человека!». Основному разделу подлежали такие ценности: домашняя серебряная утварь, произведения искусства, бумаги, «относящиеся к литературе», библиотека и собственный дом с садом. Прежний дом Ивана Ивановича сгорел во время пожара Москвы 1812 года. С выходом в отставку и возвращением в Москву ему был заново выстроен дом по проекту архитектора А.Л. Витберга вблизи Патриарших прудов, в котором Дмитриев и поселился в 1814 году.

Мужья наследниц, отличавшиеся жадностью и наглостью, предложили свои условия. Относительно легко и быстро было разделено серебро: все вещи были поделены по весу на равные доли. А вот при дележе произведений искусства инициаторы встали в тупик – в основу деления они положили… их размеры. Наибольшую ценность, по их мнению, должны были иметь картины в «золочёных рамах». Благодаря такому распределению М.А. Дмитриев смог получить хорошую коллекцию дорогих эстампов.

Архив поэта, бумаги «относящиеся к литературе», полностью перешли к М.А. Дмитриеву, так как зятья увидели в них лишь бумажный хлам и на них не претендовали. Хотя, как впоследствии вспоминал М.А. Дмитриев, в их числе были четыре тома писем Н.М. Карамзина и подлинный экземпляр записок И.И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь». Продать дом и затем поделить вырученные за него деньги было поручено М.А. Дмитриеву. Особняк был куплен советником московского губернского правления А.Н. Васильчиковым. Впоследствии долгое время его владельцем был брат Сергея Тимофеевича Аксакова Николай.

При жизни И.И. Дмитриева самой ценной в доме была библиотека, которую он с большим желанием и старанием собирал всю свою жизнь. Каждую книгу, как и своих лучших друзей, Иван Иванович тщательно отбирал, трепетно к ним относился, с удовольствием держал подле себя и «допускал в круг своего общения». Тяга и любовь к книге, чтению, литературе не ослабевала в течение всей жизни. Это особая страница в жизни крупнейшего поэта конца XVIII и первой половины XIX веков. После смерти баснописца судьба его личной библиотеки была в руках его племянника, известного литератора М.А. Дмитриева. Наследники поручили ему продать собрание. Но продать библиотеку можно было разве за бесценок. Несколько лет книги пролежали в ящиках, а затем Михаил Александрович решил часть книг оставить у себя, а остальные переслал своей двоюродной сестре Е.Н. Пазухиной, жене племянника Н.М. Карамзина – Петра Сергеевича Пазухина. Дальнейшая судьба этих книг неизвестна.

«...состоялся под шумом отечественной славы»

Иван Иванович Дмитриев родился в старинной дворянской семье, «культурной и богатой», в селе Богородское Сызранского уезда Казанской (позднее Симбирской) губернии. Отец его, Иван Гаврилович женился в 18 лет на дочери армейского полковника Екатерине Афанасьевне Бекетовой. После смерти отца Иван Гаврилович остался «полным властелином имения, состоявшего из 1500 душ», затем получил место сызранского городничего, был строг, но

справедлив и уважаем в городе. После отставки жил в селе Богородское с детьми и внуками. Он был неукротимого нрава и, как вспоминал внук его М.А. Дмитриев, «был тяжек всему семейству». Не лишён он был, как и многие богатые, страстной забавы: конный завод «стоил ему овсом и содержанием конюхов 40000 ассигнациями ежегодно». В то же время он стремился к пополнению своих знаний, учил своих детей и внуков, был знаком с Сумароковым, Суворовым. В его библиотеке были книги исторические, много «романов и сочинений русских авторов, но в ней не было ни одной духовной книги». Когда подрос внук Михаил, он хорошо изучил библиотеку и по приказанию деда мог мгновенно отыскать нужную книгу, карабкаясь как белка по полкам библиотеки до самого потолка.

Будущий поэт и баснописец Иван Дмитриев обучение проходил в частных пансионах Казани и Симбирска. Правда, учителями этих заведений, в которых он обучался с «осьмого» года, были люди с посредственным образованием: мещанин, отставной поручик, гарнизонный сержант. Особой прилежности у мальчика к наукам, особенно к математике, не было и явных успехов тоже. «На одиннадцатом году моей жизни, – писал Дмитриев, – прекратился курс моего обучения…». Роль домашнего учителя взял на себя отец. И под его руководством учение наводило на его сына «грусть и отвращение».

Однако чтение для Ивана стало такой же необходимостью и потребностью, как «пересаженным растениям нужны тепло и солнце». Всё, что читалось в детские и юношеские годы, читалось без разбора. Издания западноевропейских писателей и поэтов XVII–XVIII веков были тогда известны в России, были они и в Богородском. Попадающиеся в книгах непонятные слова искал он в тогдашних словарях и лексиконах. Чтение романов «от доски до доски не имело вредного влияния на мою нравственность, – вспоминал Иван Иванович, – смею даже сказать, что они были для меня антидотом против всего низкого и порочного».

Дмитриев проявлял большой интерес и к русской литературе, особенно к поэзии. В своих воспоминаниях он отмечал, что начало это было положено «матушкой». Живя в Петербурге, она была лично знакома с А.П. Сумароковым, знала много стихов наизусть и нередко декламировала их своим детям. Вечера, проводимые за чтением в отчем доме, вспоминались ему с особенной теплотой.

«С гордостью могу сказать, что я вырос и состоялся под шумом отечественной славы», – писал Дмитриев. С началом восстания Пугачёва, многие дворянские семьи спасались бегством из своих поместий в Москву, туда же последовала и семья Дмитриевых. Там «…я и брат мой ещё более пристали к чтению русских книг всякого рода… посещение книжных лавок было любимою моей прогулкою»… А в выборе книг, отмечал Дмитриев, «руководствовал нас крепостной служитель… Дорофей Серебряков, обучавшийся на иждивении господина своего в Славяно-греко-латинской Академии».

Поступив на воинскую службу в Семёновский полк, Дмитриев продолжал изучение творчества русских писателей и поэтов, а также начал «первые опыты рифмования».

Из всех русских поэтических талантов Дмитриев тогда выделял Сумарокова и Хераскова.

Став известным, И.И. Дмитриев, вместо посещения театров, балов и многолюдных собраний, предпочитал и любил прогулки пешком «по загородным полям, по городским улицам, на площадях, где толпится народ; любил везде быть свободным, невидимкою или сидеть за книгою, иногда же проводить время в кругу двух-трёх приятелей по мыслям и сердцу».

В свои редкие визиты на родину в Симбирскую губернию в с. Богородское Иван Иванович отдыхал в кругу своих родственников. Он был всеми уважаем, его ждали, знали его стихи, декламировали их наизусть. Отец поэта находил стихи и басни своего сына прекрасными, но «никак не равнял их с Державиным, которого считал лучшим». В каждый свой приезд Дмитриев всегда привозил на радость своим племянникам детские книжки с картинками для раскрашивания. Дома упивался красотой Волги, наслаждался живописными видами.

Бывало, что Иван Иванович совершал плавания вниз по Волге «в Царицын для свидания с родным моим дядею Никитой Афанасьевичем Бекетовым». С восходом солнца он выходил с книгой на палубу, читал и восторгался родной русской природой. А с наступлением вечера спускался в каюту и «ожидал вдохновения музы». И она давала то оду «К Волге», то сказку «Искатели фортуны».

«... и чаще быть с пером и книгой»

К своему творчеству, как и ко всему другому в жизни, Дмитриев относился в высшей мере ответственно, осторожно и добросовестно. Во всём проявлялись чувство меры и «строгость вкуса». Как поэт, Дмитриев имел привычку при сочинении стихотворения тщательно обдумывать все его части и подробности, а потом задавался вопросом: мог ли бы их изобразить на полотне живописец? Если да, то и своё творение он считал достойным кисти поэта. По воспоминаниям Ф.Ф. Вигеля, И.И. Дмитриев, как стихотворец, «будет всегда занимать на русском Парнасе замечательное место. До него светские люди и женщины не читали русских стихов или, читая, не понимали их».

Современники отмечали, что Дмитриев первый начал у нас писать басни «с правильностию, красивостию и поэзиею в слоге», начал говорить в них языком светского общества и первый проложил путь языку «Онегина».

Каждый человек, по мнению Дмитриева, преодолевает все сложности жизни самостоятельно, опираясь на собственный разум. Поэтому главное богатство человека – разум и сравнивает он его с книгой, библиотекой.

Очень хорошее наставление и совет молодым дал И.И. Дмитриев в басне 1805 года «Отец с сыном»:

«Скажите, батюшка,
как счастия добиться»?
Сын спрашивал отца.
А тот ему в ответ:
«Дороги лучше нет,
Как телом и умом трудиться,
Служа отечеству,
согражданам своим,
И чаще быть с пером и книгой,
Когда быть дельными хотим».

Таков путь к счастью, предложенный баснописцем. Он тернист, не ле-

гок, нужна настойчивость, она залог успеха.

При этом, считал Дмитриев, не следует забывать, что для читателей и писателей нужна и полезна критика объективная и правильная. Иначе «кто предостережёт меня от тех ошибок, в которые впадают иногда и знаменитые авторы? Кто как не благоразумная критика?» – писал поэт.

Поэтическое окружение

После отставки И.И. Дмитриев вокруг московского дома рассадил и благоустроил небольшой сад с зелёным лугом. Всё это было гордостью Ивана Ивановича, служило местом отдыха. «В этом саду беседовали Карамзин и Жуковский, – писал М.А. Дмитриев, – по его аллеям ходил Батюшков, в этой беседке зачитывал наизусть свои стихи добродушный Василий Львович Пушкин и смешил князь Шаликов…».

После переезда в Москву Дмитриев был назначен председателем комиссии для рассмотрения просьб, подаваемых на высочайшее имя, от людей, разорённых неприятелем в войну 1812 года. За эту службу он получил две награды.

Много времени Дмитриев уделял переписке. В числе его адресатов и собеседников были такие известные люди, как Н.М. Карамзин (его сводный двоюродный брат), В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, А.И. Тургенев, А.С. Пушкин, А.Ф. Воейков, Ф.Н. Глинка и многие другие.

Дружба и тёплые отношения связывали И.И. Дмитриева с Н.М. Карамзиным на протяжении всей жизни. В семействе Дмитриевых имя Карамзина, как вспоминал М.А. Дмитриев, было «чем-то избранным, чем-то веющим жизнью и красотою».

В юности оба писателя занимались переводами. Дмитриеву запомнился случай, когда Карамзин вбежал к нему в комнату «сияющий и торжественный», держа в руках два томика романа Г. Филдинга «История Тома Джонса, Найдёныша» – это был первый его гонорар за перевод с немецкого небольшой брошюры.

Иван Иванович большую часть времени посвящал переводам с французского. «Этот труд, – писал И.И. Дмитриев, – был для меня прибылен: я отдавал переводы мои книгопродавцам, они печатали их своим иждивением, а мне платили за них по условию книгами. Таким образом, я завёл порядочную русскую библиотеку». И тот и другой усердно и с увлечением занимались своим самообразованием. «Мы давали взаимный отчёт в нашем чтении», – вспоминал Дмитриев.

Более 40 лет баснописец поддерживал дружбу с В.А. Жуковским. Подготавливая к печати свой первый сборник стихотворений, Василий Андреевич «прежде давал на рассмотрение свою рукопись» И.И. Дмитриеву.

Многолетние отношения связывали поэта с А.С. Пушкиным. Он был в тесной дружбе с отцом и дядей Александра Сергеевича. Сергей Львович, добиваясь для сына дворянского звания, в 1811 году подал прошение на имя императора, к которому было приложено свидетельство министра юстиции И.И. Дмитриева, подтверждающее, что «недоросль Александр Пушкин есть действительный законный сын служащего в Комиссариатском штате 7-го класса С.Л. Пушкина». Дмитриев постоянно следил за творчеством Пушкина и радовался его таланту и успехам.

В свою очередь, юный Пушкин знал наизусть и декламировал некоторые басни и стихи И.И. Дмитриева. В первых юношеских стихах Пушкин, ценя и восхищаясь поэтами старого поколения, упоминает Державина, Ломоносова, Дмитриева и называет их «певцы бессмертные, и честь, и слава россов»...

Однако Пушкин не всегда объективно относился к творчеству «старосты». Были периоды, когда Александр Сергеевич критиковал басни и стихи Дмитриева, особенно после того, как Иван Иванович выразил своё критическое мнение о поэме «Руслан и Людмила», что Пушкину не понравилось. Неровность отношений в отдельные периоды, резкие суждения о творчестве и характере Дмитриева не влияли на их искреннюю привязанность друг к другу.

Своими вольнолюбивыми стихами и дерзкими эпиграммами на властителей Пушкин обратил на себя внимание полиции и над ним стали «сгущаться тучи». Н.М. Карамзин, отвечая на письмо Дмитриева, в котором Иван Иванович восторженно отзывался о «Кавказском пленнике», писал: «Талант действительно прекрасный: жаль, что нет устройства и мира в душе, а в голове ни малейшего благоразумия».

Когда в 1832 году в Российскую академию поступило предложение избрать в её члены А.С. Пушкина, то И.И. Дмитриев, не колеблясь, проголосовал за это.

Собирая материал о Пугачёвском бунте, Пушкин обратился за помощью к И.И. Дмитриеву. В своих исторических воспоминаниях «Взгляд на мою жизнь» Дмитриев намеревался поместить сведения очевидца о казни Пугачёва. По этому поводу у поэтов состоялась встреча. В письме к Дмитриеву весной 1833 года Пушкин писал: «Случай доставил в мои руки некоторые важные бумаги, касающиеся Пугачёва… Я привёл их в порядок и надеюсь их издать. В исторических записках (которые дай бог нам прочесть, возможно, позже) говорите о Пугачёве – и, как очевидец, описали его смерть. Могу ли надеяться, что Вы, милостивый государь, не откажетесь занять место между знаменитыми людьми, коих имена и свидетельства дадут цену моему труду, и позволите поместить собственные Ваши строки в одном из любопытнейших эпизодов царствования Великой Екатерины?» Фрагменты своих воспоминаний, посвящённые этому эпизоду, Дмитриев доверил Пушкину.

Пушкин погиб во цвете лет, творчества и новых замыслов. Иван Иванович Дмитриев пережил своего младшего друга-поэта всего лишь на девять месяцев.

Патриот Симбирского края

В конце жизни И.И. Дмитриев изложил свою биографию в воспоминаниях «Взгляд на мою жизнь», которые начал словами «Отчизна моя Симбирская губерния». В них выражена вся любовь, всё уважение к своей малой родине.

Дмитриев, как и многие другие известные симбиряне, не остался в стороне от идеи увековечения памяти Н.М. Карамзина в Симбирске. Инициатором сбора средств по подписке были симбирские дворяне П.Н. Ивашев, братья Языковы и другие дворяне. Эта весть дошла и до обеих столиц. В июле 1833 года Иван Иванович выехал из Москвы в Дерпт, чтобы навестить Е.А. Карамзину,

Центральная городская библиотека им.И.А.Гончарова Ульяновск

находившуюся в трауре по случаю кончины сына. Сделав остановку в Петербурге, Дмитриев встретился с литераторами. На званом обеде, организованном ими в честь патриарха русской литературы, было озвучено предложение симбирян об увековечении памяти Н.М. Карамзина на его родине.

В письме к А.И. Тургеневу в Рим, П.А. Вяземский писал об этих подробностях: «Знаешь ли, что вы, симбиряки, просили позволения соорудить памятник Карамзину в Симбирске, и что государь очень одобрил сей проект?». Блудов предложил тост за благополучное окончание предприятия, задуманного симбирскими дворянами и, заметив, что никто не имеет столь права начать открывающуюся по сему предмету подписку, как Дмитриев, который начал вместе с бессмертным другом своим великое дело преобразования нашего языка, подал лист бумаги Дмитриеву, который подписал 500 рублей, Кушников 1000 рублей, Уваров, Блудов по 500, так что от двадцати человек, бывших на обеде сём, собрана 4525 рублей… Ай да, симбиряки! Спасибо!» Свой взнос тогда сделали П.А. Вяземский – 100 руб., А.С. Пушкин, И.А. Крылов, В.А. Плетнёв, Д.В. Давыдов – по 25 рублей.

Вернувшись из поездки, Иван Иванович просил Вяземского поблагодарить всех участников обеда: «Этот день, право, один из счастливых дней в моей жизни, и тем более, для меня заметный и приятный, что задумали подарить меня им не ровесники мои, а бодрые сыны нового поколения».

Первоначально в память о Н.М. Карамзине планировалось построить архитектурное сооружение, состоявшее из трёх зданий, среди которых предусматривался памятник-библиотека в честь Н.М. Карамзина. Но этот проект не был осуществлён, а собранные средства по подписке были использованы на установление скульптурного памятника историографу, который и сегодня украшает сквер, именуемый горожанами Карамзинский сад. Однако позже, в 1848 году, библиотека всё-таки была открыта. Для неё было отведено два зала первого этажа здания Дворянского собрания и назвали её Карамзинской библиотекой. Первоначальный фонд её собирался и комплектовался в буквальном смысле «всем миром» и в последующие годы он пополнялся, главным образом, за счёт пожертвований книгами и деньгами. Отрадно отметить, что в фонд этой замечательной библиотеки поступили книги И.И. Дмитриева.

М.А. Дмитриев в 40-х годах XIX века пожертвовал в фонд создающейся библиотеки «произведения своего дяди-баснописца вместе с собственными сочинениями». Кроме того, им же был пожертвован бюст И.И. Дмитриева.

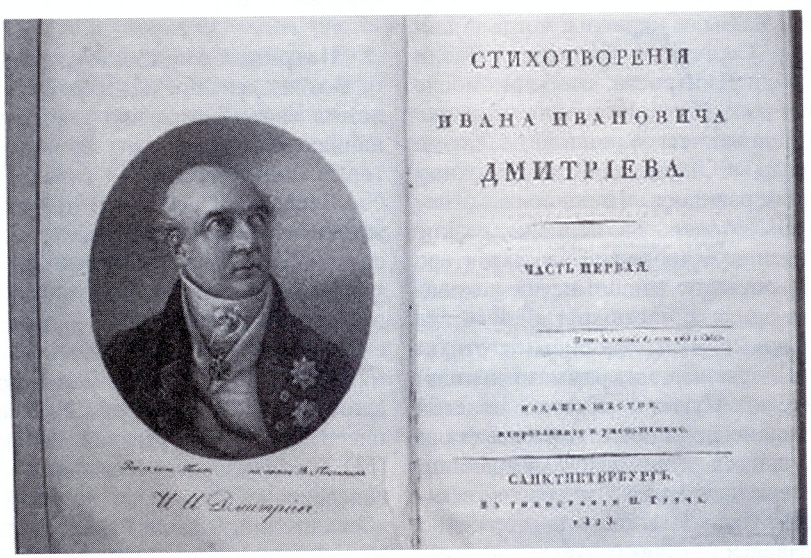
В 1990 году во Дворце книги имени В.И. Ленина состоялось торжественное открытие музея «Карамзинская общественная библиотека», а в ней в портретной галерее среди портретов известных симбирян, внесших свой неоценимый вклад в становление библиотеки, прославивших своими трудами родину, есть и подлинный портрет И.И. Дмитриева.

Поэт был похоронен в Донском монастыре. Ещё при жизни он распорядился, чтобы над могилой его был поставлен точно такой же памятник, как над могилой Н.М. Карамзина. И тот и другой стали преобразователями русского литературного языка: один – в прозе, другой – в поэзии. В предисловии к изданию сочинений И.И. Дмитриева, вышедшего в 1823 году, П.А. Вяземский писал: «Карамзин и Дмитриев, как великие полководцы, которые, преобразовав искусство военное, кончают тем, что самых врагов своих научат сражаться по системе, ими вновь введённой, научили неприметным образом и противников своих писать с большим или меньшим успехом по-своему».

С каким отчаянием И.И. Дмитриев вставал на защиту русского языка! В письме 1835 года к В.А. Жуковскому он призывал русских писателей и поэтов: «Остановите порчу отечественного языка… Франция убила благородный наш язык в домашнем быту высшего сословия». Дмитриев осуждал молодых писателей и поэтов, которые бесцеремонно искажали и засоряли русский язык, пренебрегали опытом писателей-классиков…

Не менее вопросов сохранения языка, его волновали и вопросы патриотизма. В «Письме к издателю журнала «Московский зритель» И.И. Дмитриев так писал о новых русских эмигрантах: «Я говорю о тех, которые отъезжают на жильё в чужие края под предлогом, что там жить дешевле; напомните им, что отцы наши до такой степени себя не уничижали, что они живали соответственно своему роду, умели сберегать для детей и содрогнулись бы от одной мысли «бежать от праха отцов своих». Так искренне мог говорить только настоящий патриот России, каким являлся И.И. Дмитриев: государственный деятель, поэт, баснописец, умело и талантливо сочетавший в себе все эти роли. За всю свою жизнь он не запятнал своей репутации и авторитета, до конца дней оставался верен своим жизненным принципам, чем и снискал большое уважение и память у соотечественников.

Геннадий Челноков

СТИХОТВОРЕНІЯ
ИВАНА ИВАНОВИЧА
ДМИТРІЕВА.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Фронтиспис и титульный лист последнего прижизненного издания стихотворений И.И. Дмитриева. Санкт-Петербург, 1823